ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

повествующая о том, как хитроумная обезьяна заставила подчиниться все существа и как через раскрытые двери она любовалась яркой луной

Итак, продолжим наш рассказ. Сунь У-кун опустился на облаке вниз и поведал своему учителю историю о том, как бодисатва попросила Лао-цзюня отпустить к ней подростков, находившихся у него в услужении, чтобы испытать волю паломников, и как Лао-цзюнь забрал у него свои волшебные талисманы. Трипитака преисполнился чувством глубокой благодарности к бодисатве Гуаньинь и, забыв все иные помыслы, твердо решил во что бы то ни стало, если даже это будет стоить ему жизни, добраться до Индии. Он сел на коня, которого Ша-сэн взял под уздцы, Чжу Ба-цзе взял носилки с вещами, а Сунь У-кун с посохом в руках пошел впереди. Они стали спускаться с горы. И снова им пришлось преодолевать неисчислимые трудности, терпеть голод и холод, спать под открытым небом.

Они долго шли, и вдруг перед ними выросла гора, преградившая путь.

— Ученики мои! — воскликнул Трипитака. — Взгляните! Перед нами опять возвышаются суровые горы. Надо соблюдать осторожность. Как бы снова на нас не напали злые духи!

— Учитель! — сказал на это Сунь У-кун. — Не следует поддаваться напрасному страху. Будьте смелее, сохраняйте спокойствие, и ничего с вами не случится.

— Ученик мой, — отвечал Трипитака. — Почему путь на Запад так труден? Почему до сих пор мы не можем достичь своей цели? Ведь с тех пор как мы покинули Чанъань, уже четыре раза весна сменялась летом, а осень — зимой.

— Еще не наступило время! — со смехом отвечал Сунь У-кун. — Мы еще не вышли за двери!

— Нечего врать, дорогой брат! — вступил тут в разговор Чжу Ба-цзе. — Где это видано, чтобы у людей были такие двери?

— Дорогой мой, да мы все еще крутимся в комнате, — отвечал Сунь У-кун.

— Почтенный брат, — произнес с улыбкой Ша-сэн. — Хватит пугать нас всякими громкими словами. Да разве бывают такие огромные комнаты? Для них и балок нигде не найдешь.

— Брат мой, — отвечал на это Сунь У-кун. — В здании, о котором я говорю, крышу заменяет небесный свод, окна — солнце и луна, балками служат горы, а наша земля образует огромный зал!

— Ладно! Хватит тебе! — перебил его Чжу Ба-цзе. — Мы, видно, крутимся на одном месте. Пошли лучше обратно!

— Ну, будет вам зря болтать! — рассердился Сунь У-кун. — Следуйте за мной!

Взяв наперевес свой посох, Сунь У-кун двинулся вперед. Перед Трипитакой открылись горные пейзажи удивительной красоты:

До рукояти звездного Ковша
Обрывистые горы достигали,
У дровосеков падала душа,
Когда, шутя, их демоны пугали.
Возвысья к совершенству, стаи лис
Охотникам грозили из тумана,
Деревьев кроны к тучам вознеслись,
В ущелье голосила обезьяна.
И жалобные крики журавлей
Все раздавались в зарослях сосновых.
Под крышею зеленою ветвей,
Средь горных пиков и хребтов суровых.
Звеня, бежал стремительный поток,
И до костей прохватывала стужа...
Когда же веял легкий ветерок,
Охватывал людей безумный ужас:
Пугалась задремавшая душа,
Казалось, угрожает ей вершина...
Взгляните, как привольно хороша
Хребтами окруженная долина!
Рычанье тигра, что идет на лов,
И горных птиц пленительное пенье...
Стада сайги на зелени лугов
И стадо легконогое оленей.

Танский монах Сюань-цзан и Сунь У-кун

Но сколько б ни глядеть на этот край,

Вы б странников следов не увидали

Одни следы шакальих, волчьих стай,

И Сакья-муни выбрал бы едва ли

Для подвигов спасительных своих

Страну зверей и царство птиц лесных.

Когда они были уже далеко в горах, Трипитака от страха занемог и, остановив коня, обратился к Сунь У-куну:

Чтобы высоты мудрости увидеть,

Я не жалел усилий и труда,

Столицу приказал мне князь покинуть,

И я ушел, быть может, навсегда...

Мой путь неровен — ямы и ухабы, —

Препятствия повсюду ждут меня,

Но не замолк веселый колокольчик —

И тороплю я верного коня...

Я огибаю скалы и ущелья —

В горах ищу целебных трав ростки,

Взбираюсь за фулинем на утесы:

Здесь горы велики и высоки,

Хойсян ищу, фанцзи хочу увидеть,

Добыть мечтаю сладкое чжули,

И думаю: «Когда же вновь предстану

Перед двором, оставшимся вдали?..»

— Вы бы лучше поменьше беспокоились, учитель, — сказал, ехидно улыбаясь, Сунь У-кун. — Нельзя так волноваться. Двигайтесь спокойно вперед — и все. А когда придет время и мне нужно будет проявить свою силу, можете быть уверены, что я сделаю это с успехом.

Любуясь горными пейзажами, наши странники не спеша продолжали свой путь и совсем не заметили, как солнце начало садиться.

От станции к станции

Десять ли,

Последний путник

Исчез вдали.

Семь тысяч уездов

И городов:

Ворота закрыты

Везде на засов.

И восемь есть рек —

Корабли везде

У пристаней спят

На тихой воде.

Есть пять управлений

И шесть палат;

Чиновники дружно

Домой спешат.

И на море всюду

Закончен лов,

На башнях — удары

Колоколов...

Зажженные звезды

На небе видны,

И светится диск

Взошедшей луны.

Трипитака посмотрел вдаль и вдруг заметил в одной из долин многоярусные пагоды и различные строения.

— Ученики мои! — молвил он. — Уже наступил вечер. Но, к счастью, недалеко отсюда я вижу строения. Это, конечно, какой-нибудь монастырь. Я думаю, что нам нужно попроситься туда на ночлег. А завтра снова двинемся в путь.

— Вы совершенно правы, учитель, — согласился с ним Сунь У-кун. — Однако погодите, сейчас я выясню, что это за строения.

С этими словами Великий Мудрец поднялся в воздух и стал внимательно всматриваться. Действительно он увидел перед собой горный монастырь.

Конусообразны стены.

Гвозди вбиты у ворот,

Загибается кирпичный

Ярко выкрашенный свод.

Блещут гвозди золотые,

Сколь прекрасен этот храм!

Многоярусные башни

Устремились к небесам.

И дворцов великолепье

Затаилось между гор,

Чтоб не сразу их увидел

Любопытный вражий взор.

Семярусная башня

Укрывалась в толще туч,

И сиял от статуй Будды

Золотой небесный луч.

Храм Манджугры бодисатвы

Против храма Будды встал,

Прямо к храму Милосердья

Храм Майтрейи примыкал.

Роща сосен и бамбука

Украшала те места,
И паломников пленяли
Тишина и чистота.
Заплетала все дорожки
Ручейков веселых сеть,
И приятно было людям
На изящный сад смотреть.
А в покое созерцанья
Созерцатель наставлял,
Для занятий музыкальных
Был открыт особый зал.
Перед кафедрой, с которой
Толковал Закон монах,
Пальма бэйе укрывала
Стан высокий в облаках.
Монастырь трех Будд великих
В небольшом стоял лесу,
Цепь фонариков сверкала
И качалась на весу.
Дивный запах благовоний
Наполнял и даль и ширь,
И казалось, что туманом
Был окутан монастырь.

Осмотрев все, Великий Мудрец спустился на облаке вниз.

— Учитель, — сказал он. — Это действительно монастырь, и будет очень хорошо, если мы попросимся туда на ночлег.

Трипитака подстегнул коня, и вскоре наши путники очутились около ворот монастыря.

— Учитель, а что это за монастырь? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Какой же ты странный, — сказал на это Трипитака. — Я ведь только что остановил коня и не успел даже вынуть ноги из стремян, а ты спрашиваешь, что это за монастырь.

— Вы ведь с юности монахи, — сказал Сунь У-кун, — и прежде чем изучить священное писание, в свое время должны были, конечно, изучать конфуцианские книги. Следовательно, вы человек образованный. Поэтому-то вам и оказал свою милость Танский император, а вы не можете разобрать даже таких крупных иероглифов!

— Ах ты подлая обезьяна! — вышел из себя Трипитака. — Ты сам не знаешь, что говоришь. Я очень спешил, все время подстегивал коня, а так как лицо мое было обращено на Запад, то лучи солнца ослепили меня. Кроме того, эти иероглифы над воротами покрыты пылью и грязью и их почти не видно. Вот почему я не заметил их.

Услышав это, Сунь У-кун сделал магическое движение, сразу стал выше на два с лишним чжана и, стерев рукой пыль с иероглифов, сказал:

— Ну, учитель, теперь читайте.

Над воротами была надпись из пяти иероглифов, которая гласила: «Монастырь драгоценного леса, построенный по высочайшему повелению». Приняв свой обычный вид, Сунь У-кун спросил:

— Учитель, а кто пойдет проситься на ночлег?

— Я пойду, — отвечал Трипитака. — У всех у вас чересчур уж безобразные физиономии, да и разговаривать вы вежливо не умеете. Вдобавок ко всему вы слишком заносчивы и характер у вас прескверный. Обидно будет, если из-за какой-нибудь стычки нас не пустят на ночлег.

— Ну, в таком случае не о чем больше толковать, — сказал Сунь У-кун, — и впрямь будет лучше, если вы сами пойдете.

Трипитака положил свой посох, снял головной убор, поправил на себе одежду и, молитвенно сложив руки, вошел в монастырь. Здесь, за перилами, покрытыми красным лаком, он увидел восседавших на высоком постаменте богов — хранителей ворот. Они были сделаны из глины и имели величественный и грозный вид.

С лицом железным он и бородой стальнойю,

Из глины слеплен, но живой на вид,

Казалось, что другой искусною рукою

Из сплавов дорогих прекрасно был отлит;
С глазами круглыми стоял он грозный справа;
Его ладонь — горой и, словно медь, красна;
А тот, что слева встал, вздымает величаво
Огромный свой кулак, чернее чугуна.
Их золотых кольчуг мерцают переливы,
Развеял ветер ленты по плечам.
Видать, — на Западе народ благочестивый:
Здесь на треножниках курится фимиам.

Увидев все это, Трипитака только головой покачивал да тяжело вздыхал.

«Если бы у нас в Китае, — думал он, — лепили из глины таких божеств, возжигали перед ними фимиам и возносили молитвы, мне не пришлось бы идти на Запад».

Не переставая вздыхать и продвигаясь дальше, Трипитака достиг вторых ворот и здесь увидел статуи четырех небесных стражей: Чиго, Довэнь, Цзэнчан и Гуан-му, которые управляли ветром и дождем в четырех странах света — на востоке, севере, западе и юге. Пройдя вторые ворота, Трипитака увидел четыре огромные сосны. Каждая из них своей пышной, зеленой кроной напоминала раскрытый зонт. Впереди виднелся храм Будды. Почтительно сложив ладони рук, Трипитака стал отбивать земные поклоны. Затем он обогнул статую Будды и, пройдя к задним дверям, увидел картину с изображением сидящей к нему спиной бодисатвы Гуаньинь, переправляющейся в Южное море. Вокруг, на стенах, была лепка, сделанная искусными мастерами. Лепка изображала море, легких рыбок, выскакивающих из воды, креветок, крабов, черепах. Пораженный представившейся ему красотой, Трипитака снова стал тяжело вздыхать, приговаривая: «Как обидно! Даже рыбы почитают Будду, почему же люди не стремятся к самоусовершенствованию?»

Его грустные размышления прервал неожиданно появившийся монах. Увидев Трипитаку и решив по его благородной осанке и необычным манерам, что перед ним не простой человек, монах подошел к Трипитаке и, почтительно кланяясь ему, спросил:

— Откуда прибыли, учитель?

— Ваш покорный слуга, — отвечал Трипитака, — прибыл из Китая и по указу Танского императора следует в Индию, чтобы поклониться Будде и получить священные книги. На пути нам попался ваш монастырь, а поскольку время сейчас позднее, мы решили попроситься к вам на ночлег.

— Вы не обижайтесь на меня, учитель, — отвечал на это монах. — Я всего лишь подметальщик и звонарь. Настоятель сейчас у себя. Пойду доложу ему о вас. Если он разрешит, я вернусь и приглашу вас. Если откажет, — не обессудьте.

— Простите, что доставил вам столько хлопот, — стал извиняться Трипитака.

Монах поспешил в келью настоятеля.

— Почтенный отец, — доложил он, — в монастырь пришел какой-то человек.

Услышав это, настоятель быстро оделся, поправил на себе головной убор пилу и, накинув рясу, поспешил навстречу гостю.

— А что за человек пришел, тебе неизвестно?

— Взгляните, он стоит перед главным храмом, — отвечал служитель.

Трипитака стоял, прислонившись к воротам, с непокрытой головой, одетый в буддийскую одежду, сшитую из двадцати пяти полос разной материи. На ногах его были особые, монашеские, туфли, насквозь промокшие и покрытые грязью.

— Мало, видно, били тебя! — разгневался настоятель, обращаясь к монаху. — Ты что же, не понимаешь, что я имею священнический сан и могу встречать только сановных людей, приезжающих сюда возжечь фимиам, Зачем же ты вводишь меня в заблуждение? Ты только взгляни на его физиономию, и сам увидишь, что он не отличается особой честностью. Скорее всего это просто бродячий монах. А сейчас время позднее, вот он и решил напроситься к нам на ночлег. Да разве можем мы пустить его? Сказал бы ему, чтобы пристроился где-нибудь под верандой в передних помещениях, вместо того чтобы беспокоить меня!

С этими словами он повернулся и ушел обратно. Трипитака все это слышал, и глаза его наполнились слезами.

«Ну что я за несчастный человек! Правильно говорят люди: «Покидающие родные места подвергаются презрению», Я с малых лет покинул мир и постригся в монахи. Я никогда не поклонялся кумирам, не ел скоромного, не имел дурных мыслей. При чтении священных книг не таил в душе злобы или дурных побуждений. Я никогда не разрушал кирпича или черепицы на крышах храмов Будды и никогда не повредил позолоты на лицах священных архатов. И, несмотря на все это, я все же очень несчастный человек! Не знаю, в каком перевоплощении я согрешил перед небом и землей и за что небо посылает мне всю жизнь злых людей! Ну ладно! Можно было отказать нам в ночлеге — и дело с концом. Но зачем говорить такие оскорбительные слова и предлагать нам устраиваться где-то под верандой! Хорошо еще, что этого не слышал Сунь У-кун. Попробовал бы ты сказать все это ему, он угостил бы тебя своим посохом, осталось бы от тебя одно мокрое место! Ну, хватит! — сказал он тут. — Недаром говорит пословица: «Для людей прежде всего необходимо знание обрядов и музыки», Пойду

попрошу его еще. Посмотрим, что он скажет».

С этими словами Трипитака пошел вслед за настоятелем и, остановившись в дверях кельи, увидел, что тот уже разоблачился и сидит там, шумно дыша; нельзя было понять, что он делает: то ли читает псалмы, то ли переписывает законы. Во всяком случае, стол его был завален всякого рода бумагами. Не смея войти внутрь, Танский монах остановился перед дверью и, почтительно склонившись, громко произнес:

— Почтенный настоятель! Ваш ученик приветствует вас и хочет обратиться к вам.

Монах, нисколько не скрывая, что появление непрошеного гостя не радует его, в ответ на приветствие лишь пробормотал:

— Откуда пришел?

— Ваш покорный слуга по повелению китайского императора Великих Танов следует на Запад, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги — отвечал Трипитака. — Сейчас уже поздно, и мы очень просим пустить нас переночевать. Завтра с рассветом мы двинемся дальше. Будьте милостивы, господин настоятель, приютите нас.

Выслушав его, настоятель только теперь поднялся со своего места.

— Так вы и есть Танский монах Трипитака? — спросил он.

— Ваш покорный слуга перед вами, — отвечал Трипитака.

— Вы говорите, что идете в Индию за священными книгами, — сказал хозяин, — почему же вы избрали такой странный путь?

— Я совсем не знаю здешних мест, — отвечал Трипитака.

— По прямой дороге на Запад, примерно в пяти ли отсюда, — продолжал настоятель, — есть постоялый двор: там можно остановиться на ночлег и поесть. А здесь у нас нет никаких удобств.

— Уважаемый господин настоятель, — сказал Трипитака, ложив почтительно ладони рук. — В старину говорили: «Буддийские и даосские монастыри — это почтовые станции для монахов. Если увидишь горный храм, то знай, что там для тебя найдется три шэна¹ риса». Что же побуждает вас отказать нам в приюте?

— Уж очень ты бойкий на язык, бродячий монах! — выйдя из себя, заорал настоятель.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Трипитака.

— Древние люди говорили, — ответил на это настоятель, — «когда тигр входит в город, все закрывают ворота, хотя, может быть, он никого не укусит, но дурная слава уже давно закрепила за ним».

— Я что-то не совсем понимаю, — произнес Трипитака.

— Сейчас объясню, — оказал настоятель. — Несколько лет назад к нашему монастырю пришли странствующие монахи, которые также расположились у ворот. Я увидел, что они продрогли; одежка на них была рваная, ноги — босые, голова — непокрытая. Меня охватила жалость, я пригласил их в келью, усадил на почетное место, распорядился, чтобы их накормили. Более того, я велел дать каждому из них старую одежду и оставил их пожить здесь на несколько дней. Кто мог подумать, что они, позарившись на привольное житье, проживут у нас несколько лет. Ну, и это еще ничего, жили бы себе и жили, так ведь начали творить всякие непотребные дела.

— Что же именно они делали, позвольте вас спросить? — поинтересовался Трипитака.

— А вот послушай, — сказал монах.

Вдоль стен они слонялись от безделья,

Камнями разбивали черепицу

И, сняв ворота, путь перекрывали,

Чтоб грабежом удобней поживиться.

Из стен они выдергивали гвозди,

Зимой, ломая двери и решетки,

Их для костров своих они рубили,

Хоругви наши рвали на обмотки.

Елей в коптилки лили из лампы,

И, выменяв на редьку благовонья,

Они азартным играм предавались,

Воруя и с похмелья и спросонья!

Выслушав все это, Трипитака с горечью подумал: «И монахи, оказывается, бывают беспутными!»

Ему хотелось плакать, но, боясь, как бы над ним не посмеялись, он потихоньку вытер слезы рукавом и, пересилив себя, поспешил покинуть монастырь и вернуться к своим ученикам. Увидев, что учитель едва сдерживает гнев и раздражение, Сунь У-кун спросил:

— Уж не побили ли вас здешние монахи, учитель?

— Нет, не побили, — отвечал Трипитака.

— Определенно побили, — вмешался Чжу Ба-цзе. — Ведь вы вот-вот заплачете.

— Может быть, они бранили вас? — снова спросил Сунь У-кун.

— Не бранили, — отвечал Трипитака.

— Почему же у вас такой расстроенный вид? — продолжал Сунь У-кун. — Уж не соскучились ли вы по родине?

— Ученики мои, — вместо ответа сказал Трипитака, — нам здесь будет неудобно.

— Наверное, здесь живут даосы? — рассмеялся Сунь У-кун.

— Даосы живут в монастырях, именуемых «гуань», — сердито отвечал Трипитака, — а в монастырях под названием «сы» живут только буддийские монахи.

— Вы, наверное, не смогли ничего добиться, — сказал Сунь У-кун. — Ведь буддийские монахи одной с нами веры. Недаром говорится: «В буддийской общине все связаны друг с другом». Вы пока побудьте здесь, а я схожу в монастырь и посмотрю, что там делается.

С этими словами наш прекрасный Сунь У-кун потрогал свой посох с золотыми обручами, подтянул штаны и, держа посох наготове, направился прямо в храм Будды. Здесь, тыча пальцем в изображения трех будд, он громко сказал:

— Ведь вы всего-навсего глиняные фигуры, позолоченные сверху. Как же вы смее не отвечать на обращенную к вам просьбу? Я — Сунь У-кун — сопровождаю Великого Танского монаха. Он идет на Запад поклониться Будде и попросить у него священные книги. Сейчас время позднее, и мы пришли к вам попроситься на ночлег. Немедленно извольте доложить мне ваши имена. Смотрите! Если вздумаете отказать нам в ночлеге, я одним ударом раздроблю ваши позолоченные тела и превращу вас снова в глину.

В этот момент в храм пришел служитель, чтобы возжечь вечерние благовония. Зажигая курительные свечи, он подошел к статуям и воткнул свечи в курильницу. Но тут до него донеслись угрозы Сунь У-куна. От страха служитель рухнул наземь, затем, поднявшись,

взглянул на Сунь У-куна, но в ту же минуту снова упал. После этого он вскочил, мигом выкатился из храма и вбежал в келью настоятеля:

— Почтенный отец! Там пришел какой-то монах!

— Ну и бестолковые вы все! — рассердился настоятель. — Мало вас били! Ведь я сказал, чтобы этих монахов устроили под верандой, чего же ты опять лезешь ко мне? Если еще раз явишься, я велю всыпать тебе двадцать палок!

— Почтенный отец, — продолжал служитель, — это совсем другой монах, не тот, что был у вас. У него очень свирепый вид и нет спинного хребта.

— А каков он из себя? — заинтересовался настоятель.

— У него круглые глаза, острые уши, — сказал служитель. — А лицо его покрыто волосами, он напоминает бога Грома. В руках у него посох; от злости он скрежещет зубами. Сразу видно, что у него руки чешутся и он ищет повода, что-бы подраться.

— Пойду посмотрю, что за монах, — сказал настоятель.

Не успел он открыть дверь, как тотчас же увидел стремительно приближавшегося к нему Сунь У-куна. Он действительно был безобразен. Все лицо его было не то в буграх, не то во впадинах. Огненные глаза сверкали, лоб склонился как бы в поклоне. Безобразные зубы выдавались вперед и напоминали клешни краба, у которого наружу торчат только кости, а мясо находится внутри.

Увидев Сунь У-куна, настоятель быстро захлопнул дверь своей кельи. Однако Сунь У-кун высадил ее одним ударом и заорал:

— Немедленно подмести и приготовить мне помещение в тысячу цзяней. Я буду здесь ночевать!

Укрывшись во внутреннем помещении, настоятель шепнул служителю:

— Откуда только взялся такой урод? Он и ведет себя так заносчиво для того, чтобы как-то прикрыть свое уродство, У нас здесь всех помещений, вместе с кельями, храмами, башней под колоколами и барабанами и обеими террасами будет не больше трехсот цзяней. А ему для спанья, видите ли, необходимо тысячу цзяней. Где же это мы возьмем их?

— Учитель, — сказал тут прислужник. — Я храбростью не отличаюсь. Уж лучше вы сами разговаривайте с ним.

— Почтенный монах, — дрожащим голосом молвил настоятель. — В нашем бедном монастыре вам будет неудобно, и мы не смеем задерживать вас здесь. Вы лучше поищите для себя ночлег где-нибудь в другом месте.

Тем временем Сунь У-кун превратил свой посох в огромный столб, поставил его посреди двора и сказал:

— Ну, вот что, монах! Если ты считаешь, что здесь неудобно, выметайся отсюда!

— Да мы с малых лет живем в этом монастыре, — отвечал настоятель. — Он переходил по наследству от дедов к отцам, от отцов к сыновьям. От нас он должен перейти к нашим детям и внукам. А этот монах, не имеющий ни о чем понятия, хочет выселить нас отсюда.

— Почтенный отец, — взмолился слуга. — Прошу вас, не сочтите мои слова за грубость, но лучше переселяйтесь отсюда поживей. Он все равно пробьется сюда силой.

— Не говори глупостей! — рассердился настоятель. — Куда это мы пойдем? Ведь нас тут человек пятьсот, Нам просто некуда переселяться.

— Эй, монах! — услышав это, крикнул Сунь У-кун. — Раз вам некуда переселяться, выходите по одному, я угощу вас своим посохом.

— Ну, выходи, — сказал настоятель, — и прими за меня удары.

— Дорогой отец! — в отчаянии воскликнул слуга. — Как можете вы посылать меня под удары такого посоха?

— Не зря говорится, — сказал на это настоятель: — «Содержишь солдат тысячу дней, а используешь их один день». Как же ты можешь отказываться?

— Да этот посох, если упадет на человека, то придавит его.

— Что и говорить, — отвечал настоятель, — но если этот посох будет стоять во дворе, а ночью, забыв о нем, пойдешь куда-нибудь и натолкнешься на него, в голове наверняка дыра будет.

— Учитель, — сказал тогда слуга. — Вы знаете, как тяжел посох, и все же заставляете меня выходить.

С этими словами он резко повернулся и ушел к себе.

«Вот ведь беда какая, не могу я нарушить запрет, — подумал Сунь У-кун. — Если я убью хоть

одного из них, учи тель снова обвинит меня в жестокости. Надо найти какой-нибудь предмет и стукнуть его посохом — пусть посмотрят, что из этого получится».

Оглядевшись вокруг, Сунь У-кун вдруг увидел стоявшую перед входом в жилые помещения статую льва. Взмахнув посохом, он с силой опустил его на статую: раздался страшный грохот, и каменный лев разлетелся на мелкие кусочки. Настоятель, видевший это из окна, от страха залез под кровать. Служитель же спрятался в котел, не переставая бормотать:

— Почтенный отец! Ну и тяжел этот посох! Нам не вынести его удара. Помилуй! Помилуй!

— Не бойтесь, монахи! — сказал тогда Сунь У-кун. — Я не буду вас бить. Скажите мне, сколько живет здесь всего монахов?

— Пятьсот человек, — отвечал дрожащим голосом настоятель, — а помещений всего двести восемьдесят пять.

— Ну, так вот, — продолжал Сунь У-кун. — Сейчас же соберите их всех: пусть приведут себя в порядок, наденут парадное платье и выйдут встретить моего учителя — Танского монаха. Если исполните мой приказ, я не стану вас бить.

— Отец наш, — отвечал настоятель. — Тогда мы не только выйдем ему навстречу, но и внесем его сюда на руках.

— Ну, поворачивайтесь живо! — торопил Сунь У-кун.

— Вот что, — сказал тогда настоятель слуге, — если даже у тебя от страха лопнет печень и разорвется сердце, все равно тебе придется пойти собрать всех монахов и подготовить их к встрече почтенного гостя.

Служителю ничего не оставалось делать, как пойти с риском для жизни созывать монахов. Однако он все же не осмелился выйти прямо в дверь, а выбрался через дыру, в которую лазили собаки. Очувшись перед главным храмом, он начал неистово бить в барабан и ударять в колокол. Монахи всполошились и прибежали к главному храму.

— Что случилось? Почему бьют в барабан? — слышались тревожные голоса. — Ведь еще рано!

— Немедленно переодевайтесь! — сказал слуга. — Выстраивайтесь в ряд и во главе с нашим настоятелем пойдете приветствовать прибывшего сюда почтенного отца — Танского монаха.

Монахи тотчас же привели себя в порядок, выстроились в ряд и приготовились к встрече почетного гостя. Одни из них накинули на себя ризы, другие — надели монашеские балахоны, тот, кто не имел и этого, надел простой халат. Самые бедные, у кого не было даже халатов, заменили их двумя куртками, подогнанными друг к другу.

— Ну и нарядились же вы?! — оглядев их, удивленно сказал Сунь У-кун.

— Почтенный отец! Пожалуйста, не бей нас! Дай слово молвить, — взмолились монахи, увидев свирепую обезьяну. — Эту ткань мы получили в качестве подаяния в городе, но так как у нас здесь нет портных, то пришлось нам самим смастерить себе нечто вроде одеяния.

Сунь У-кун лишь ухмыльнулся. Вместе с ним монахи вышли за ворота монастыря и опустились на колени. Настоятель, земно кланяясь Танскому монаху, громко произнес:

— Почтенный отец! Милости просим войти в наше скромное жилище.

— Ну, учитель, — сказал тут наблюдавший всю эту сцену Чжу Ба-цзе, — ничего вы не умеете делать. Вернулись вы оттуда со слезами и даже слюни распустили. Какой же это тайной обладает наш брат, что заставил встречать нас с поклонами?

— Ты, Дурень, — сказал на это Трипитака, — существо невежественное. Ведь недаром говорят, что черт, и тот боится злого человека.

Видя, что монахи стоят перед ним на коленях и отбивают земные поклоны, Трипитака почувствовал себя очень неловко и, поспешно подойдя к ним, сказал:

— Прошу вас, встаньте!

— Мы готовы стоять перед вами на коленях целый месяц, — отвечали монахи, — только заступитесь за нас, скажите вашему ученику, чтобы он оставил в покое свой посох.

— Смотри, не трогай их! — приказал Трипитака Сунь-У-куну.

— А я и не трогал, — отвечал Сунь У-кун. — Иначе от них ничего бы не осталось.

Лишь после этого монахи осмелились подняться с колен.

Одни из них взяли под уздцы коня и повели его во двор, другие — подхватили вещи, третьи — понесли самого Танского монаха. Некоторые несли Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Вся эта процессия двинулась в монастырские ворота. Войдя во внутренние кельи, они расселись по старшинству, и монахи снова стали воздавать почести Трипитаке.

— Почтенный отец, прошу вас встать и больше не кланяться мне, — сказал Трипитака. — Вы просто убиваете этим меня, скромного монаха. Ведь мы все с вами братья по вере.

— Вы, почтенный отец, являетесь посланцем великой страны, — отвечал на это настоятель, — и

наша вина в том, что мы вовремя не вышли встретить вас. Мы, жители горного захолустья, своими темными глазами не смогли распознать в вас высокого гостя и воздать вам надлежащие почести. Разрешите спросить вас, почтенный отец, какую вы вкушаете в пути пищу, — постную или скоромную, и чем бы мы могли угостить вас.

— Пищу мы едим только постную, — отвечал Трипитака.

— А ученики ваши, конечно, предпочитают скоромную? — продолжал настоятель.

— Нет, мы с малых лет едим постную пищу, — сказал Сунь У-кун.

— Бог ты мой! — воскликнул настоятель. — Человек с такой свирепой физиономией тоже питается постной пищей!

Тут один из монахов, который был посмелее, подошел и спросил:

— Сколько же вам, господин, надо сварить пшена, чтобы вы насытились?

— Эй ты, бестолочь! — вступил тут в разговор Чжу Ба-цзе. — Что ты все лезешь с вопросами? Накрывай на стол, чтобы было не меньше одного даня на человека.

Эти слова привели монахов в полное замешательство. Они тут же бросились чистить котлы и разводить огонь. Во всех кельях начали расставлять еду и закуски, зажигали фонари, готовясь чествовать Танского монаха.

Когда трапеза была закончена и монахи убрали со стола посуду, Трипитака поблагодарил настоятеля.

— Мы доставили вашему монастырю много хлопот, — сказал он.

— Что вы, что вы, — возразил настоятель. — Уж вы извините нас за скромное угощение.

— Можно мне с моими учениками расположиться здесь на ночь? — спросил Трипитака.

— Не спешите, учитель, — отвечал настоятель. — Мы найдем для вас место поудобнее. Эй, служитель! — позвал он. — Сколько у нас там народу?

Служитель тотчас же отозвался.

— Пошлите двух человек, пусть дадут корму коню, — приказал настоятель. — Да распорядитесь убрать три комнаты, предназначенные для созерцания. Велите приготовить

гостям постели. Только поскорее, учитель хочет отдыхать.

Слуги поспешили в точности выполнить полученный наказ и пригласили Трипитаку пройти в отведенное для него помещение. Что касается учеников Трипитаки, то они, выйдя из кельи, тоже отправились отдыхать. Комнаты, где им предстояло провести ночь, были ярко освещены, на полу лежали четыре камышовых циновки.

Сунь У-кун позвал служителя и велел ему принести сена, затем привязал коня и отпустил служителя.

Трипитака уселся посреди комнаты. По обеим сторонам от него двумя рядами выстроились все пятьсот монахов, готовых служить ему.

— Прошу вас, уважаемые, вернуться в свои кельи, — ска зал, кланяясь им, Трипитака. — Мы сами тут как-нибудь управимся.

Однако монахи не решались уйти. Тогда вперед выступил настоятель и сказал:

— Они разойдутся уже после того, как вы, учитель, ляжете отдыхать! Устройте здесь все как следует.

— Да тут все уже устроено, — произнес Трипитака. — Очень прошу вас, идите отдыхайте.

Лишь после этого монахи решились уйти. Затем Трипитака вышел на улицу по малой нужде. Взглянув на луну, заливавшую все вокруг ярким светом, он позвал учеников.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вышли и встали рядом со своим учителем. Трипитака же, пораженный сиянием луны, которая, словно огромный светильник, заливала бездонный, сверкающий перламутром небосвод и озаряла ярким светом всю вселенную, предался воспоминаниям и не мог удержаться, чтобы не сочинить экспромтом оду на старинный манер.

Стихи гласили:

Зеркально ясен чистый свет луны,

Земля ж покрыта трепетною тенью,

А дивные дворцы — озарены;

Б прозрачном небе — зеркала круженье,

Иль это блюдо блещет серебром,

На десять тысяч ли страна в сиянье,

Ночь — всплеск волны на море мировом;
Нет равных ей по силе обаянья
Там — в сини — диск подвешен ледяной.
В гостинице, в селенье позабытом,
Усталый путник с думою одной
Сел под окном, холодным и раскрытым;
Вот старец одинокий задремал,
И вдруг пред ним в чудесном сновиденьи
Сад ханьских императоров предстал,
Старик от седины своей — в смущеньи,
И к башням Цинь идет тогда Юй Лян:
Он, летописец Цинь, был и поэтом.
Уж в винной чаше плавает луна.
Не дремлет Юань Хун, носясь по свету.
Поет о снеге каждое окно,
Но стужа не страшит — вы снова юны...
В монастыре спокойно и темно,
И холодны, как лед, трепещут струны...
Мы эту ночь проводим без тревог,
Но где конец и странствий и дорог?

Когда Трипитака начал читать, Сунь У-кун подошел к нему и сказал:

— Учитель! Блеск луны вызвал у вас воспоминания о родине, но вы совсем не знаете открытых астрономами законов, установленных природой для небесных тел. Когда наступает тридцатый день месяца, блеск луны, являющийся мужским началом, исчезает, и вода, являющаяся женским началом, заливают ее диск. Поэтому луна темнеет, и от нее нет никакого излучения света. Это называется — последний день лунного месяца. В этот момент луна соединяется с солнцем, и в промежутке между последним ее днем и первым днем новолуния она под действием солнечных лучей зачинает. В третий день месяца появляется первое положительное начало. В восьмой день зарождается второе положительное начало. И после этого на небе появляется серп луны. На пятнадцатый день все три положительных начала проявляются в полной мере и луна всплывает на небо в своем полном блеске. На шестнадцатый день зарождается первый признак отрицательного начала, а на двадцать второй день — второе

отрицательное начало, и тогда луна снова принимает форму серпа. На тридцатый день все три отрицательных начала собираются вместе, и тогда луна полностью исчезает. Эти изменения луны испокон веков предопределены небом. Если мы сумеем воспитать в себе свои внутренние чувства до такого же совершенства, какое бывает на шестнадцатый день, в полнолуние, тогда мы без труда увидим Будду и свободно вернемся на родину.

Пусть меняет облик свой луна —

Ночью мир наш ею озарен,

Каждому испытывать дано

Будды всеобъемлющий закон

Кто в святом горниле закален,

Кто большую силу обретет,

Тот достигнет западных небес —

Недоступных грешникам высот!

Выслушав это, Трипитака сразу как бы прозрел и понял истинный смысл сказанных Сунь У-куном слов. Это доставило ему огромную радость, и он искренне поблагодарил своего ученика.

Вдруг стоявший рядом Ша-сэн произнес:

— Хотя брат мой и прав, однако он сказал лишь о том, что первая фаза луны находится под влиянием положительного начала, а последняя — отрицательного и что это объясняется сочетанием элементов воды и металла. Но он совсем не упомянул о том, что:

Пусть связаны тесно огонь и вода —

Их разные судьбы по жизни вели,

Но пламени сила и сила воды

Зависят от матери общей — земли!

Когда же и тело, и мысль, и душа,

В гармонию слившись, познают покой,

Тогда уж не будут соперничать вновь.

Речная вода и луна над рекой!

Услышав это, Трипитака снова почувствовал себя невежественным человеком. Поистине можно было сказать, что познание одной истины раскрыло перед ним тысячи других и

показало неверность утверждения, что человек, еще не родившийся, уже бессмертен.

Но тут к нему подошел Чжу Ба-цзе и, взяв его за руку, сказал:

— Да не слушайте вы, учитель, всю эту ерунду. Вы же не выспитесь. А что касается луны, то:

После ущерба луны —

Полнолуние следом.

Этот порядок и мне,

Без сомнения, ведом.

Жизнь у меня не всегда

Весела, беззаботна,

Так же и вы не всегда

Угощаете гостя охотно.

Чашку возьмете — слюна

Померещится в чашке!

Знаю, удел для себя

Приготовлю я тяжкий.

Все же другие себе

Уготовят блаженство.

Вам путешествие даст

Высоту совершенства.

Вам вознестись к небесам

И при жизни уж надо,

Преодолев без труда

Три последних разряда.

— Хватит! — прервал Трипитака. — Ученики мои, — сказал он, — нам предстоит тяжелый путь. Вы отдыхайте, а я почитаю псалом.

— Мне кажется, что вам не следовало бы этого делать, учитель, — сказал Сунь У-кун. — С

малых лет вы отрешились от мирской суеты и стали монахом. Разве есть какая-нибудь книга из священного писания, которую вы не читали? Танский император велел вам отправиться на Запад, поклониться Будде и попросить у него священные книги учения Большой колесницы. Однако сейчас эту миссию вы еще не выполнили, Будду не видали и священных книг не получили. Какой же из псалмов собираетесь вы читать?

— С тех пор как я покинул Чанъань, — сказал на это Трипитака, — я каждый день вынужден переносить тяготы пути. И я боюсь, что забыл даже те священные псалмы, которые изучал в детстве. К счастью, сегодня у меня свободный вечер, и я хотел бы вспомнить то, что знал раньше.

— Ну, в таком случае мы отправимся спать, — сказал Сунь У-кун.

После этого все трое учеников улеглись на одной циновке и уснули. Трипитака затворил дверь, высоко поднял серебряную лампу, раскрыл священную книгу и стал читать. По истине это было время,

когда раздалась

На башне дробь барабана —

Вестник ночного сна,

Стихли в жилищах люди —

Устали за день они,

И в камышах прибрежных —

Спокойствие, тишина,

И на рыбачьих лодках

Уже не горят огни...

Если вы хотите узнать, как Трипитака покинул монастырь, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287322>